

ГРАНЬ БЕЗУМИЯ

Урина Васильева.

18+

Ирина Васильева

Грань безумия

<https://litres.ru/74100109>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александр Воронцов, наследник угасающего дворянского рода, приезжает в заброшенную родовую усадьбу, чтобы продать её и навсегда забыть о призраках прошлого. Но старый дом на холме хранит тайны куда более страшные, чем детские страхи. В поисках ответов Александр спускается в подвал, где находит не просто следы запустения, а портал в кошмар, созданный его прадедом.

Под фундаментом дома пробудилось древнее зло — «Источник», первородный голод, питающийся не плотью, а человеческим разумом и безумием. Попытка уничтожить тварей огнём приводит к катастрофе: пожар не убивает их, а лишь рассеивает по округе, превращая Александра в живой маяк, на который «Рой» начинает охоту.

Спасаясь от шепота в телефонных проводах и отражений в зеркалах, Александр вынужден заключить сделку с загадочным «Куратором» — человеком из тайной организации, изучающей сверхъестественные угрозы.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать...Евгений.	4
Глава 2. Тень за портьерой.	18
Глава 3. Голос в темноте.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Грань безумия

Глава 1. Добро пожаловать...Евгений.

Сентябрь в этих краях — это не время увядания, а скорее медленная агония природы, её затянувшаяся, мучительная смерть. Воздух, густой и холодный, пах прелой листвой, влажной землей и чем-то еще — неуловимым, сладковато-гнилостным, словно дыхание старого склепа. Александр Воронцов стоял на вершине холма, у подножия которого, в чаще из почерневших от времени лип, покоилась усадьба. Он добирался сюда почти сутки: сначала поездом до забытой богом станции, потом на дребезжащей телеге с угрюмым возницей, который высадил его на развилке и, не сказав ни слова, хлестнул лошадь, растворившись в промозглом тумане. Александр остался один на один с этим пейзажем, и с каждой минутой решимость, гнавшая его из душного Петербурга в эту глушь, таяла, как утренний иней.

Ему было тридцать два года, и последние три из них он провел в попытках убежать от самого себя. Смерть отца, а затем и матери оставила его единственным наследником не только титула и родового имени, но и того невыносимого бремени, что зовется одиночеством. Усадьба на холме была

последним пристанищем его предков по материнской линии — Воронцовых. Отец всегда отзывался о ней с презрением, называя «гнилым зубом» и «кладбищем для живых денег». Но для Александра это было не просто имение. Это был последний шанс зацепиться за что-то реальное, за корни, уходящие в землю глубже, чем его собственное отчаяние. Он надеялся, что тишина этих стен поможет заглушить гул в его собственной голове.

Усадьба не выглядела руинами. Это было хуже. Это был монумент запустению. Двухэтажный особняк из красного кирпича, покрытый пятнами лишайника и мха, возвышался над парком. Высокие стрельчатые окна с мутными стеклами слепо смотрели на мир. Часть крыши провалилась, обнажив темные ребра стропил, похожие на скелет гигантского зверя. Слева от главного входа возвышалась башня с обвалившимся шпилем, напоминавшая сломанный зуб. К парадному крыльцу вела когда-то широкая аллея, теперь же она представляла собой две колеи, заросшие жесткой травой и чертополохом.

Александр поправил ремень дорожной сумки на плече и начал спуск. Под ногами чавкала грязь. Он подошел к массивной дубовой двери, окованной ржавым железом. Замка не было — лишь толстая цепь с огромным амбарным замком валялась тут же, на ступенях. Кто-то уже был здесь до него? Или замок просто не выдержал времени? Он толкнул дверь. Она поддалась с протяжным, душераздирающим скрипом,

от которого у Александра по спине пробежал холодок. Звук был не просто неприятным — он был живым, полным вековой обиды и злобы.

Внутри царил полумрак, который не мог разогнать тусклый свет пасмурного дня, с трудом пробивавшийся сквозь грязные окна вестибюля. Воздух здесь был спертый и тяжелым, но Александр уловил еще один запах — запах старой бумаги и пыли. Это было странно обнадеживающе.

Он оказался в огромном холле с высоким потолком, уходящим во тьму второго этажа. Прямо перед ним уходила вверх широкая лестница с резными перилами, покрытыми слоем серой пыли такой толщины, что они казались бархатными. На первой же ступеньке лежал ворох сухих листьев, занесенных ветром через разбитое окно второго этажа. Справа и слева от лестницы располагались арочные проходы в анфиладу комнат.

Александр сделал несколько шагов вперед. Его собственные шаги звучали оглушительно громко в этой мертвой тишине. Он остановился и прислушался. Ничего. Ни шороха мышей, ни треска оседающего дерева — лишь глухая, ватная тишина и стук собственного сердца.

— Ну что ж... — его собственный голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Он снял сумку и поставил её на пол у подножия лестницы. Первым делом нужно было осмотреться и понять масштаб разрушений. Он выбрал правый проход.

Комната оказалась столовой. Длинный дубовый стол занимал почти всё пространство. Вокруг него стояли стулья с высокими спинками, словно гости замерли в ожидании начала трапезы тысячелетней давности. На столе всё ещё лежала посуда: фарфоровые тарелки с сеточкой трещин от времени, серебряные приборы, потускневшие и покрытые патиной. В центре стола стояла запыленная ваза с давно высохшими цветами, превратившимися в труху.

Александр подошел ближе и провел пальцем по краю тарелки, оставляя четкий след в слое пыли. — Кто-то накрыл стол к ужину... и просто ушел? — прошептал он.

Внезапно ему стало не по себе от этой застывшей сцены. Ему показалось, что если он резко обернется, то увидит бледные лица хозяев дома, бесшумно сидящих на своих местах и смотрящих на него пустыми глазницами.

Он быстро вышел из столовой и прошел в следующую комнату — библиотеку.

Это было сердце дома. Огромный зал от пола до потолка был заставлен книжными шкафами из темного мореного дуба. Запах старой кожи и бумаги здесь был настолько густым, что казался почти осязаемым. В центре комнаты сиротливо стоял глобус на бронзовой подставке, а рядом — глубокое вольтеровское кресло с лопнувшей обивкой, из которой торчали пружины и конский волос.

Александр медленно пошел вдоль стеллажей. Его пальцы скользили по потертым корешкам книг: энциклопедии

Брокгауза и Ефрона, собрания сочинений классиков в кожаных переплетах с золотым тиснением, какие-то технические справочники позапрошлого века... И тут он увидел это.

На одном из столов у окна лежала стопка бумаг. Не книг — именно бумаг: писем, перевязанных выцветшей голубой лентой, и несколько отдельных листов, исписанных мелким, аккуратным почерком черными чернилами. Пыль здесь была потревожена меньше, чем в остальном зале.

Любопытство пересилило тревогу. Александр подошел к столу и осторожно коснулся верхнего письма в стопке. Бумага была хрупкой на ощупь. Он развязал ленту — шелк рассыпался в пальцах трухой — и взял одно из писем.

Оно было адресовано «Моему дражайшему Евгению».

Сердце Александра пропустило удар. Евгений Воронцов — так звали его прадеда по материнской линии. Он умер задолго до рождения Александра, но мать иногда упоминала его как «того самого дядю Евгения», который сошел с ума и заперся в родовом имении.

Александр развернул пожелтевший листок.

«Мой дражайший Евгений! Ты пишешь мне о своих кошмарах так буднично, словно речь идет о дурной погоде или подагре у соседа. Но я чувствую твою тревогу через каждую строчку твоего послания из этого Богом забытого места. Ты говоришь о "голосах", которые слышишь по ночам? О "теньях", что скользят по стенам твоего кабинета? Я списывал бы это на переутомление или излишнюю дозу лаудана

нума перед сном... если бы не одно "но". Помнишь ли ты нашу детскую игру? Наш шифр? То слово, которым мы называли наши самые сокровенные страхи? Ты упомянул его в своем последнем письме».

Александр судорожно сглотнул. Шифр? Какое слово?

Он быстро просмотрел другие письма в стопке. Все они были написаны одной рукой — летящей, нервной скорописью человека, который пишет быстро, боясь упустить мысль или быть прерванным. Это были ответы Евгения своему таинственному корреспонденту.

«...Я больше не могу спать в восточном крыле. Там холодно даже летом. Холод идет от стен... или изнутри меня? Я слышу их шепот за стеной моей спальни каждую полночь. Они говорят о "Грани". Они говорят о том безумии, что ждет нас всех...»

«...Вчера я видел её снова. В отражении зеркала в балльном зале. Она стояла у меня за спиной и улыбалась той же улыбкой, что и на портрете в галерее...»

«...Я нашел тайник за панелью в библиотеке (той самой панели рядом с глобусом). Там лежит дневник нашего прадеда Аркадия. Я начал читать его вчера вечером... Я должен был остановиться после первой страницы! То, что там описано... это невозможно! Но это объясняет всё! Голоса стали громче после того, как я узнал правду».

Руки Александра дрожали так сильно, что буквы плясали перед глазами. Это были не просто письма больного челове-

ка своему другу-скептику. Это была хроника падения в бездну.

Он отложил письма и взял отдельные листы. Это были записи самого Евгения Воронцова — отрывки из дневника или черновика писем?

«23 сентября 189... года (или 24-е? Я потерял счет времени). Сегодня я окончательно понял: дом живой. Он дышит вместе со мной. Когда я выдыхаю воздух сперттого страха — он выдыхает холод пустых коридоров».

«Я больше не различаю реальность и сон. Прошлой ночью я проснулся (или мне приснилось пробуждение) от звука шагов над головой. В башне! Башня заперта уже тридцать лет после того случая с горничной! Я взял свечу (спички отсырели) и пошел наверх... Лестница скрипела так жалобно... На верхней площадке никого не было. Но свеча погасла от сквозняка... или от чьего-то дыхания?»

«Они называют это "Гранью". Это не место на карте или точка на компасе. Это состояние разума... или его отсутствие. Тот порог, за которым разум перестает быть крепостью и становится тюрьмой для своего владельца».

Слово «Грань» повторялось снова и снова.

Внезапно Александр замер. Ему показалось... Нет, он был уверен! Он услышал звук со стороны вестибюля. Тихий шорох ткани по каменному полу? Или просто осыпалась штукатурка?

Он застыл на месте, боясь пошевелиться и даже дышать.

Тишина вернулась.

«Это просто нервы», — попытался успокоить он себя. «Я начитался этих безумных записей в пустом доме». Но разум отказывался верить логике.

Александр решил вернуться к письмам позже, при свете дня (хотя день снаружи был таким же серым). Сейчас ему нужно было найти место для ночлега и осмотреть остальную часть дома при свете фонаря.

Он вышел из библиотеки обратно в холл и поднял взгляд на лестницу.

И тут он увидел это.

На верхней площадке лестницы стояла фигура женщины.

В первую секунду Александр решил, что это игра света и тени от разбитого окна наверху. Но фигура не двигалась вместе со светом облаков за окном — она была статична.

Она была одета в длинное платье темного цвета с высоким воротником — фасон начала века или даже конца прошлого столетия. Темные волосы были собраны в сложную прическу на затылке. Она стояла вполоборота к нему, глядя куда-то вниз вдоль перил второго этажа.

Александр почувствовал, как кровь отхлынула от лица. — Кто здесь? — крикнул он вверх осипшим голосом.

Фигура не шелохнулась.

Ноги приросли к полу. Паника ледяной волной окатила его тело, парализуя волю к бегству или к действию.

Прошла минута мучительного ожидания.

Собрав остатки мужества (или безумия), Александр сделал шаг к лестнице. — Эй! Я вас вижу!

Его голос сорвался на фальцет.

Он сделал еще один шаг вверх по ступеням, не сводя глаз с фигуры наверху.

С каждым шагом детали становились четче: складки на платье казались тяжелыми от пыли веков; кожа на видимой части шеи была мертвенно-бледной; но самое страшное было то, чего он пока не видел — её лица...

Когда он поднялся до середины лестницы, фигура внезапно исчезла. Не растворилась в воздухе медленно, как туман под солнцем — а просто исчезла за долю секунды, словно кто-то выключил свет или задернул невидимую штору реальности.

Александр замер на ступеньках с поднятой ногой.

Сердце колотилось где-то в горле так сильно, что отдавало болью в висках. Он чувствовал липкий холодный пот на лбу и спине.

Это было невозможно...

Он заставил себя продолжить подъем на дрожащих ногах. Добравшись до верхней площадки лестницы (той самой), он остановился там же, где стояла она несколько мгновений назад.

Здесь никого не было.

Слева начинался длинный темный коридор восточного крыла — того самого крыла из дневника Евгения! Справа

была запертая дверь башни (тяжелая дубовая дверь с массивным засовом). Прямо перед ним по балюстраде шла галерея второго этажа над холлом.

Александр медленно повернулся лицом к галерее...

И увидел её снова.

Она стояла всего в десяти шагах от него у высокого стрельчатого окна галереи и смотрела прямо на него через разделявшее их пространство коридора второго этажа.

Теперь он видел её лицо полностью.

Это было лицо молодой женщины лет двадцати пяти-тридцати с правильными аристократическими чертами: высокие скулы, тонкий нос... Но всё портило выражение этого лица — застывшая маска холодной надменности вперемешку с безграничной скорбью и чем-то еще... чем-то хищным и голодным во взгляде глубоко посаженных темных глаз под прямыми бровями.

Она улыбнулась ему одними уголками губ — едва заметно, но эта улыбка была страшнее любого оскала безумца или гримасы мертвеца.

Александр хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный хриплый писк ужаса.

Женщина медленно подняла руку в белой перчатке (он только сейчас заметил эту деталь) и указала длинным пальцем прямо на него через всю галерею...

А затем она начала двигаться к нему навстречу по балюстраде галереи своей плавной, скользящей походкой, кото-

рая не имела ничего общего с человеческой ходьбой — она словно плыла над полом...

Разверзшийся под ногами ад не мог быть страшнее этого зрелища чистого ужаса во плоти (или того, что казалось плотью).

Александр попятился назад к лестнице для прислуги сбоку от главного пролета (он заметил её краем глаза), споткнулся о край ступеньки и кубарем покатился вниз по узкой винтовой лестнице для слуг во тьму первого этажа...

Удар о каменный пол вестибюля выбил из него дух окончательно погрузил сознание во мрак...

Очнулся он от того же пронизывающего холода сырого камня под щекой и звенящей тишины дома вокруг него. Голова гудела как церковный колокол после праздника святого Николая; затылок пульсировал тупой болью при малейшей попытке пошевелиться.

Он лежал у подножия главной лестницы лицом вниз на пыльном полу вестибюля. Сумка валялась рядом раскрытая; содержимое рассыпалось по полу: смена белья вывалилась из свертка вместе с фонарем «летучая мышь» на керосине и спичками в промасленной бумаге.

Несколько минут Александр просто лежал неподвижно, пытаясь собрать воедино осколки своего разума после падения и пережитого кошмара наверху галереи...

Это было видение? Галлюцинация? Последствие удара головой?

Он сел на полу, прислонившись спиной к холодной балясине перил первого этажа. Рука сама собой потянулась к затылку — пальцы стали липкими от крови из рассеченной кожи под волосами.

«Я схожу с ума», — эта мысль была не панической вспышкой страха, а ледяным констатирующим фактом спокойствия отчаяния. Словно врач поставил смертельный диагноз пациенту: тихо, буднично и неотвратимо фатально.

Он посмотрел вверх вдоль главного лестничного пролета туда, где начиналась галерея второго этажа...

Там никого не было естественно же никого там не было!

Но теперь он знал наверняка: дом принял его не как хозяйина вернувшегося домой а как добычу забредшую в ловчую яму расставленную веками назад для таких как он отчаявшихся беглецов ищущих забвения среди теней прошлого...

Дрожащими руками он нашарил фонарь со спичками трясущимися пальцами открутил фитиль зажег огонь...

Тусклый теплый свет выхватил из мрака вестибюль обнажив всю глубину запустения: паутину свисающую гирляндами со сводчатого потолка облупившуюся лепнину портреты чьи лица были стерты временем до неразличимых пятен...

Свет принес лишь иллюзию безопасности но никак не саму безопасность...

Ему нужно было выбраться отсюда пока тьма окончательно не поглотила остатки его рассудка пока «Грань» о которой писал прадед Евгений не сомкнулась за его спиной навсегда

превратив этот дом из убежища в склеп для его души...

Но куда бежать? Ночь уже опустилась на землю превращая окна усадьбы в черные зеркала отражающие лишь пламя его одинокой свечи а лес вокруг холма стал непроницаемой стеной враждебной чащи...

Выхода нет...

Дом запер его внутри себя как Евгений запер себя здесь много лет назад...

И где-то там наверху по скрипучим половицам восточного крыла снова раздались тихие шаги приближающиеся к лестнице чтобы спуститься вниз к нему...

Александр поднял фонарь выше сжимая его так что побелели костяшки пальцев готовясь встретить то что спускалось к нему из тьмы второго этажа готовясь увидеть лицо той кто указала на него своим мертвым перстом...

И когда шаги стихли прямо над ним у края балюстрады галереи первого этажа он заставил себя поднять глаза...

Она стояла там глядя вниз прямо ему в лицо сквозь разделавшие их несколько метров пустоты ее темное платье сливалось с тенями но бледное лицо казалось светящимся пятном во мраке ее глаза были двумя провалами абсолютной черноты а улыбка стала шире обнажая ряд зубов слишком белых для живого человека...

Она наклонилась вперед перегнувшись через перила так что ее фигура стала похожа на хищную птицу готовую спикировать вниз на свою жертву ее волосы тяжелой волной

упали вперед закрывая половину лица но глаза продолжали сверлить Александра взглядом полным древней голодной злобы...

И тогда она заговорила ее голос был похож одновременно на шелест сухих листьев по стеклу скрип несмазанных петель гроба под землей и шепот тысячи голосов слившихся воедино этот звук проникал не столько в уши сколько прямо в мозг минуя слух вызывая тошнотворный спазм ужаса:

— Добро пожаловать домой... Евгений...

Фонарь выпал из ослабевших пальцев Александра со звуком разбился керосин вспыхнул огненным пятном освещая вестибюль адским заревом но Александр уже ничего этого не видел потому что тьма милосердно накрыла его своим саваном второй раз за этот вечер спасая разум от полного распада спасая душу от взгляда той что ждала его здесь веками ожидая лишь одного слова чтобы переступить свою собственную Грань безумия...

Глава 2. Тень за портьерой.

Сознание возвращалось не плавно, а урывками, словно кто-то дёргал за ниточки, привязанные к его векам. Сначала была только боль — пульсирующая, раскалённая добела точка в затылке, от которой по всему позвоночнику расходились волны тошноты. Затем — запах. Едкая вонь горящего керосина и плавящегося металла, смешанная с вековой пылью. И лишь потом — звук. Тишина. Но не та, что была до падения. Эта тишина была другой: густой, вязкой, наполненной ожиданием. Она давила на барабанные перепонки, заставляя сердце биться ещё громче.

Александр с трудом разлепил глаза. Мир вокруг был мутным и расплывчатым. Прямо перед его лицом плясали оранжевые отблески. Он сфокусировал взгляд и увидел, что лужа керосина из разбитого фонаря всё ещё горит, растекаясь по пыльному паркету вестибюля. Огонь был слабым, почти бездымным, но в этой обители тлена он казался живым, хищным существом, пожирающим мрак.

Он попытался пошевелиться и застонал от прострелившей шею боли. Рука нащупала что-то липкое и горячее на затылке. Кровь. Много крови. Она уже засохла на воротнике пальто и склеила волосы. Падение с винтовой лестницы не прошло даром.

Собрав волю в кулак, Александр оттолкнулся от пола и

принял сидячее положение, прислонившись спиной к холодным перилам. Голова тут же отозвалась новым приступом головокружения. Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких, прерывистых вдохов, пытаясь унять тошноту. Когда мир перестал вращаться, он снова открыл их.

Вестибюль был пуст.

Никакой фигуры на галерее второго этажа. Никакой злобещей улыбки. Никакого шёпота. Только он, дрожащий от холода и страха, и маленький, умирающий костёр у его ног. Может, это всё действительно было лишь плодом его больного воображения? Удар головой о каменные ступени — более чем веская причина для галлюцинаций. Эта мысль принесла ему хрупкое, но желанное облегчение.

Нужно было действовать. Паника — плохой советчик, а бездействие в этом доме равносильно смерти от переохлаждения или угара. Он должен взять себя в руки.

Александр с кряхтением поднялся на ноги, цепляясь за перила. Комната качнулась перед глазами, но он устоял. Первым делом — огонь. Он доковылял до лужи и принялся за таптывать пламя тяжёлыми походными ботинками. Несколько ударов — и последний язычок огня погас, оставив после себя лишь едкую вонь и чёрное маслянистое пятно на полу.

Тьма мгновенно сомкнулась вокруг него, став почти осязаемой. Александр пошарил в кармане пальто и с облегчением нащупал коробок спичек — тот самый, из сумки. Он зажжёт одну. Трепещущий огонёк выхватил из мрака кусок сте-

ны с облупившейся фреской, фрагмент массивной входной двери и край его собственной дрожащей руки.

Ему нужен был свет. Настоящий свет, а не эта эфемерная искра, готовая погаснуть от любого дуновения сквозняка. Он вспомнил о библиотеке. Там были окна, пусть и грязные, но пропускавшие дневной свет (или то, что в этом месте сходило за день). И там были эти проклятые письма.

Сжимая в руке горящую спичку, Александр направился обратно в библиотеку. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустом доме, и этот звук казался ему оглушительным предательством его присутствия здесь.

Библиотека встретила его всё тем же запахом тлена и книгами-молчаливыми свидетелями угасшего величия. Он подошёл к столу у окна, где оставил письма. Спичка догорела до пальцев и обожгла кожу. Александр выругался сквозь зубы и бросил её на пол.

Зажёг вторую спичку и поднёс её к бумагам на столе. В неровном свете пламени он увидел то, что не заметил в первый раз из-за шока: рядом со стопкой писем лежал небольшой латунный ключ на выцветшей шёлковой ленте.

Он взял его в руки. Ключ был холодным и тяжёлым. На головке ключа был выгравирован какой-то герб или вензель — переплетённые буквы «В» и «Е». Виктор Евгеньевич? Владимир? Или... он сам? Александр Воронцов? Нет, это было бы слишком просто и слишком жутко одновременно.

Вторая спичка погасла.

Александр сунул ключ в карман брюк и принялся шарить по карманам пальто в поисках чего-нибудь полезного. Пальцы наткнулись на холодный металл зажигалки — старой бензиновой «Зиппо», которую он носил с собой скорее по привычке, чем из нужды. Он щёлкнул кремнем. С третьей попытки фитиль загорелся ровным синим пламенем.

Это уже было что-то.

Он поднял зажигалку повыше и осветил стол полностью. Теперь он видел всё: стопку писем от друга Евгения (судя по обратному адресу — из Петербурга), перевязанных лентой; разрозненные листы дневника самого Евгения; и этот ключ.

Александр развязал ленту на письмах и взял самое первое из них, то самое, где упоминался шифр.

«...Ты упомянул его в своем последнем письме».

Он лихорадочно перебрал письма Евгения к другу. Они были датированы разными числами осени 189... года. В них становилось всё меньше логики и всё больше ужаса. Но искомое письмо нашлось быстро.

«...Я больше не могу спать в восточном крыле... Я слышу их шепот за стеной моей спальни каждую полночь... Я нашел тайник за панелью в библиотеке (той самой панели рядом с глобусом). Там лежит дневник нашего прадеда Аркадия...»

Сердце пропустило удар. Тайник! Ключ! Всё сходилось.

Александр развернулся к книжным шкафам. Его взгляд метнулся к глобусу в центре комнаты. Рядом с ним, на стене

между двумя стеллажами, находилась дубовая панель с резным орнаментом из дубовых листьев и желудей. Она выглядела так же массивно и неподвижно, как и всё остальное в этом доме.

Он подошёл к панели вплотную и провёл по ней рукой в поисках щели или выступа. Ничего. Тогда он начал методично нажимать на разные элементы резьбы — листья, желуди, стыки панелей. С десятой или одиннадцатой попытки раздался глухой щелчок.

Часть стены бесшумно ушла вглубь на пару дюймов и сдвинулась в сторону, открыв узкий тёмный проём высотой в человеческий рост.

Внутри тайника было абсолютно темно и пахло сырой землёй и металлом. Александр поднёс зажигалку к проёму. Пламя осветило небольшую нишу глубиной около метра. Внутри лежал один-единственный предмет — толстый фолиант в кожаном переплёте с медными уголками. На обложке не было названия.

Дрожащими руками Александр вытащил книгу из тайника. Она была удивительно тяжёлой для своего размера. Он положил её на стол рядом с письмами и открыл первую страницу.

Почерк был тот же самый — нервный, летящий почерк Евгения Воронцова.

«Дневник мой... Если ты читаешь эти строки, значит я либо мертв, либо окончательно лишился рассудка...»

Александр перевернул страницу.

«Я пишу это для того, чтобы сохранить остатки разума или оставить свидетельство для того безумца, что придёт после меня... Они говорят мне: "Ты один из нас". Они говорят: "Твоя кровь помнит". Я слышу их каждую ночь...»

Он пролистал несколько страниц вперёд, выхватывая глазами обрывки фраз:

«...Тайна нашего рода не в деньгах или титулах... Аркадий знал правду... Он записал её здесь...» «...Дом не просто строение из камня и дерева... Это якорь... Он держит их здесь...» «...Я видел её вчера в зеркале бального зала... Она ждала меня там... Она сказала моё имя так ласково...»

Александр почувствовал, как по спине снова бежит холодок ужаса. Это был не просто дневник сумасшедшего. Это была хроника вторжения чего-то чуждого в разум его предка.

Внезапно пламя зажигалки дрогнуло.

В библиотеке не было сквозняка — все окна были плотно закрыты гнилыми рамами столетиями назад. Но огонек метнулся в сторону и едва не погас вовсе от резкого порыва невидимого ветра.

Александр замер, подняв голову от книги.

В дальнем углу библиотеки, между двумя высоченными шкапами до самого потолка, висела тяжёлая бархатная портьера бордового цвета. Раньше её там не было — он бы заметил такой массивный предмет мебели или декора при пер-

вом осмотре комнаты при дневном свете.

Портьера шевельнулась.

Медленно-медленно тяжелая ткань начала колыхаться так, словно кто-то невидимый стоял за ней и дышал на неё с той стороны. Затем она пошла волнами...

Александр почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом — рана отозвалась тупой болью. Он не мог отвести взгляда от этого невозможного движения в абсолютно пустом углу комнаты.

Из-за портьеры медленно показалась рука.

Это была тонкая женская рука с невероятно бледной кожей, сквозь которую просвечивали синие жилки вен. Длинные пальцы с ухоженными ногтями коснулись края ткани и отвели её в сторону так же плавно и бесшумно, как открывается дверь во сне.

За портьерой стояла та самая женщина с галереи.

Теперь она была ближе, всего в десяти шагах от него по другую сторону библиотечного стола. На ней было то же тёмное платье с высоким воротником-стойкой из плотной ткани (возможно, бархата), которое делало её силуэт ещё более стройным и нечеловечески вытянутым. Её лицо в свете зажигалки казалось маской из слоновой кости: идеальная кожа без единой морщинки или изъяна, высокие скулы...

И глаза. Два бездонных омуты абсолютной черноты без белков и зрачков как таковых — просто два провала во тьму космоса на бледном лице.

Она смотрела прямо на него без всякого выражения на лице, но Александр физически ощущал тяжесть этого взгляда. Он давил на грудь, мешая дышать.

Она открыла рот и улыбнулась той самой пугающей улыбкой-оскалом, обнажив ряд ровных белых зубов чуть длиннее человеческих клыков по краям челюсти.

— Ты вернулся домой раньше срока, Евгений... — её голос прозвучал не из уст, а прямо у него в голове. Это был тот самый многоголосый шепот: шелест листвы по стеклу вперемешку со скрипом несмазанных петель гроба. Звук вызывал физическую боль где-то за глазами яблоками.

— Я не Евгений! — крикнул Александр хриплым голосом, пятясь назад от стола до тех пор, пока не уперся спиной в книжный шкаф за собой. Книги посыпались с полок от удара его лопаток о дерево короба. Звук падения книг показался оглушительным грохотом в звенящей тишине дома.

— Ты носишь его имя... Ты носишь его кровь... Ты пахнешь его страхом... — голос-шелест стал громче, заполняя собой всё пространство комнаты. Женщина сделала шаг вперед к столу.

Александр судорожно сунул руку в карман брюк и нашупал там холодный латунный ключ от тайника Прадеда Аркадия. Это было глупо — какой толк от ключа против призрака? Но это было единственное оружие во всем мире, которое сейчас принадлежало ему одному.

— Не подходи! — прошипел он сквозь стиснутые зубы

выставляя перед собой руку с зажигалкой словно крест против вампира хотя пламя уже обжигало ему пальцы а бензин почти кончился фитиль начал чадить черным дымом готовясь погаснуть через несколько секунд...

Женщина остановилась у противоположного края стола её бескровные губы продолжали улыбаться а черные глаза-дыры впились в его лицо изучая каждую черту как будто сравнивая её с чем-то виденным сотни лет назад...

— Ты так похож на него... Тот же упрямый подбородок... Тот же страх перед неизбежным... Аркадий тоже боялся когда нашел нас здесь запертыми под фундаментом дома когда принес нам первую жертву чтобы умиловать нас...

Её слова били по сознанию Александра как молот по наковальне принося с собой образы столь ужасные что мозг отказывался их обрабатывать но они все равно отпечатывались клеймом безумия...

— Какую жертву?.. О чем ты говоришь?.. Кто вы?.. — прошептал он чувствуя как по щекам текут слезы бессилия...

— Мы те кто живет под досками пола мы те кто шепчет из дымоходов мы те кто смотрит из зеркал мы те кто пьет разум тех чья кровь достаточно сильна чтобы слышать нас мы ждали тебя Александр Воронцов мы ждали когда родится тот кто сможет открыть последнюю дверь...

Зажигалка в руке Александра вспыхнула последний раз ослепительно ярко а затем погасла погрузив библиотеку во мрак который казался еще более густым чем раньше...

В этой абсолютной темноте он услышал звук ее приближения это был не стук каблуков по полу а скорее скольжение шелест ткани о пыльный паркет...

Паника захлестнула его с головой сметая остатки человеческого самообладания это был первобытный животный ужас перед хищником который уже загнал жертву в угол...

Не помня себя Александр оттолкнулся от шкафа слепо бросился вправо туда где по его памяти находилась дверь ударился плечом о косяк выбежал обратно в холл...

Он бежал вслепую спотыкаясь о разбросанные вещи из своей сумки добрался до входной двери дернул за массивную ручку дверь была заперта снаружи или заколочена наглухо он бил по ней кулаками кричал но звук тонул поглощаемый стенами дома...

Обезумев окончательно он развернулся прижался спиной к холодной двери обвел холл диким взглядом ища убежище...

Единственным местом которое хоть как-то могло послужить укрытием была та самая винтовая лестница для слуг куда он уже падал один раз...

Не думая о боли он бросился к ней схватился за перила и начал карабкаться вверх спотыкаясь падая коленями на каменные ступени но продолжая ползти вверх вверх вверх туда где была дверь башни о которой писал Евгений запертая дверь которая могла стать преградой между ним и тем что ждало внизу во тьме холла...

Он добрался до площадки перед дверью дернул за ручку она не поддавалась тяжелый засов был задвинут со стороны башни но Александр был готов поклясться что услышал за дверью тихий вздох или шорох движения...

Но выбора не было внизу ждала она...

Он всем телом навалился на засов пытаясь сдвинуть его ржавые петли поддались со скрежетом который казалось разнесся по всему дому отдаваясь вибрацией во всех костях Александра...

Засов отошел в сторону со стоном умирающего зверя Александр рванул дверь на себя она открылась со скрипом открывая проход в абсолютную черноту башни...

Не давая себе времени подумать он нырнул внутрь захлопнул за собой дверь прижался к ней спиной тяжело дыша как загнанный зверь...

В башне было холодно гораздо холоднее чем во всем остальном доме здесь стоял могильный холод который пробирал до костей заставляя зубы стучать а тело биться мелкой дрожью...

Он стоял так несколько минут вслушиваясь в звуки снаружи сначала ничего кроме бешеного стука собственного сердца затем раздались шаги внизу у основания винтовой лестницы они были медленными неторопливыми они начали подниматься вверх...

Шелест платья по каменным ступеням был единственным звуком нарушавшим мертвую тишину дома каждый шаг

отдавался эхом приближаясь к двери за которой прятался Александр...

Шаги остановились прямо за дверью с той стороны повеяло могильным холодом а затем раздался ее голос тот самый шепот который теперь звучал насмешливо игриво: — Маленький испуганный мышонок забрался в норку... Но норка заперта изнутри а кот уже у входа...

Александр закрыл глаза чувствуя как сознание начинает мутиться грань между реальностью и кошмаром истончалась превращаясь в тонкую пленку готовую лопнуть под давлением ужаса он сполз по двери оседая на холодный пол башни обхватив голову руками шепча как молитву: — Это сон это просто сон это сон это сон это сон...

А за дверью шелестел смех десятков голосов слившихся воедино растворяя последние крупинцы его рассудка во тьме старой усадьбы оставляя лишь пустую оболочку дрожащую от холода на пороге окончательного безумия...

Глава 3. Голос в темноте.

Александр не знал, сколько времени он просидел на ледяном полу башни, прижавшись спиной к массивной дубовой двери. Минуты? Часы? Время здесь потеряло свою линейность, превратившись в вязкую субстанцию, которая текла рывками: от одного удара сердца до другого. Шаги за дверью стихли давно, но это пугало ещё больше. Тишина была не отсутствием звука, а плотной, осязаемой материей, которая давила на уши и заставляла воображение рисовать самые жуткие картины.

Он медленно открыл глаза. Вокруг была кромешная тьма — абсолютная, первобытная чернота, которую невозможно увидеть в городе даже самой безлунной ночью. Здесь же она казалась живой, густой, как смола. Подняв руку перед лицом, Александр не увидел ничего. Он поднёс пальцы к носу — ноль ощущений. Паническая атака начала сжимать горло стальным обручем, мешая дышать. Ему казалось, что эта тьма сейчас заполнит его лёгкие, проникнет через поры кожи и растворит его изнутри.

«Спокойно», — приказал он себе хриплым шепотом. «Дыши. Просто дыши».

Собственный голос прозвучал жалко и одиноко, но всё же это был звук реальности. Звук, который принадлежал ему. Это помогло немного прийти в себя. Нужно было действо-

вать, иначе холод и страх dokonают его быстрее любого призрака. Дрожащими руками он начал шарить по карманам пальто. Левый карман был пуст. Правый... Пальцы наткнулись на холодный металл зажигалки. Слава богу. Она выпала при падении, но каким-то чудом осталась с ним.

Щёлк. Кремний высек искру, но фитиль лишь слабо затрещал, отказываясь гореть. Бензин почти закончился. Щёлк. Ещё одна попытка. На этот раз появился крошечный, дрожащий синий язычок пламени. Он был слабее света спички, но для Александра в тот момент он был подобен солнцу.

Тусклый свет выхватил из мрака небольшое круглое помещение башни. Комната была абсолютно пустой, если не считать толстого слоя пыли на каменном полу и узкого окна-бойницы, забранного мутным стеклом, сквозь которое едва пробивался серый свет пасмурного дня. Стены были сложены из грубо обработанного камня, покрытого пятнами лишайника и плесени. Воздух пах сыростью, мокрым камнем и чем-то сладковатым, тленным.

Зажигалка нагрелась, обжигая пальцы. Александр погасил её, чтобы сберечь остатки топлива. Холод тут же впился в него с новой силой. Он поднялся на ноги, прижимаясь спиной к спасительной двери. Его взгляд упал вниз, на пол у самого порога. Там, в луче тусклого дневного света из бойницы, лежал предмет, которого раньше там точно не было. Это был ключ. Тот самый латунный ключ из тайника Евгения.

Александр уставился на него, не веря своим глазам. Он

помнил, как сунул его в карман брюк, когда нашёл книгу. Как он мог оказаться здесь? Неужели... Неужели оно достало его? Эта мысль парализовала волю. Оно может проходить сквозь стены. Для него нет преград. Башня — не убежище, а ловушка. Словно в ответ на его мысли, снизу, из-за двери, донёлся тихий, царапающий звук. Словно кто-то провёл ногтями по дереву с той стороны. Затем раздался глухой, утробный вздох, от которого кровь застыла в жилах. И снова тишина.

Александр схватил ключ так крепко, что зубчатый край больно врезался в ладонь. Ключ был реальностью. Реальностью был и этот звук. Он должен понять, что происходит. Должен найти ответы в книге. Если Евгений смог продержаться здесь несколько месяцев, значит, есть способ выжить. Или хотя бы понять правила этой безумной игры. Он вернулся к центру комнаты, где оставил фолиант. Зажёг огонёк. Книга ждала его, раскрытая на случайной странице. Александр поднял её. Кожаный переплёт был сухим и хрупким. Он сел на пол, скрестив ноги, и направил слабый свет на текст.

Почерк прадеда Аркадия отличался от почерка Евгения. У Аркадия он был каллиграфическим, уверенным, с сильным нажимом перьевой ручки. Каждая буква стояла ровно, словно солдат на плацу. Первая запись датировалась маем 1862 года.

«Сегодня я завершил строительство восточного крыла.

Земля здесь, на холме, оказалась тверже гранита, но воля моя крепче. Этот дом станет памятником нашему роду, нашей несгибаемой силе. Местные крестьяне перешёптываются о том, что место проклято, что здесь "плохая земля". Суеверный бред. Я велел прогнать старуху-знахарку, что приходила умолять меня остановить стройку. Говорят, она наложила на дом проклятие. Что ж, посмотрим, чья воля окажется сильнее».

Следующая запись была сделана всего месяц спустя.

«Проклятье старухи начинает сбываться. Сначала заболела кормилица младшего сына. Жар такой, что плавится воск. Лекари бессильны. Затем пропала собака. Мы нашли её в парке, в зарослях шиповника. Животное было... растерзано. Но кем? Волки сюда не заходят. Следы на земле... они похожи на человеческие, но слишком глубокие и короткие, будто существо передвигалось прыжками. А вчера вечером, обходя стройку, я слышал голоса из-под земли. Они звали меня по имени».

Александр перелистнул страницу. Записи становились короче и отрывистее, даты шли с большими пропусками.

«Я нашел причину. При рытье колодца рабочие наткнулись на древние катакомбы глубоко под фундаментом. Это не просто погреб. Это сеть тоннелей, уходящих во все стороны. Старуха была права. Это место — не наше. Оно древнее любого рода, любой веры. Я чувствую их присутствие постоянно. Они голодны. Я должен их накормить,

чтобы спасти семью. Другого выхода нет. Жертва умиротит их ярость».

Последняя запись была датирована октябрём того же года. Почерк стал неровным, буквы плясали, некоторые слова были зачёркнуты до дыр в бумаге.

«Я сделал то, что должен был. Я отдал им служанку. Молодую, здоровую девку. Я заманил её в подвал под предлогом осмотра винных погребов и толкнул в шахту старого колодца. Я слышал её крик. Он длился вечность. А потом... наступила тишина. Они приняли дар. Дом успокоился. Но я вижу её лицо. Каждую ночь. Она стоит у моей кровати и смотрит. Молча. Её глаза обвиняют меня. Я слышу, как они ползают под полом столовой, когда мы садимся ужинать. Их шёпот теперь тише, но он никогда не прекращается. Я запер вход в катакомбы самым крепким замком, какой только смог найти. Ключ от него я спрятал там, где никто не догадается искать. Теперь мы связаны. Мой род и эти твари под землёй. Пока дом стоит, мы будем кормить их, а они будут хранить наши тайны».

Огонь в зажигалке погас. Александр сидел в полной темноте, сжимая в одной руке ледяной ключ, а в другой — книгу, ставшую приговором всему его роду. Так вот о чём говорила та женщина. Аркадий не просто сошёл с ума. Он заключил сделку с чем-то, что жило здесь задолго до появления людей. Он построил свой величественный дом прямо над пастью древнего голода.

И Евгений... Евгений узнал эту страшную правду. Прочитав этот дневник, он понял, почему его мучили кошмары. Почему он слышал голоса. Его кровь помнила. Помнила ужас той первой жертвы и вкус сделки, заключённой предком.

Внезапно новая мысль пронзила сознание Александра, острая, как игла. Женщина назвала его Евгением. Но откуда она знала имя его прадеда? Откуда она могла знать, что именно Евгений жил здесь последним? Ответ пришёл сам собой, леденящий душу своей простотой. Потому что она была там. Она видела его. Она была частью того кошмара, что свёл Евгения с ума. Возможно, она и была тем голосом, что звучал в его голове каждую ночь. Та самая служанка? Или нечто иное, принявшее её облик?

Шум внизу повторился. На этот раз это был не вздох. Это был звук тяжёлых, медленных шагов. Кто-то поднимался по винтовой лестнице. Медленно, никуда не торопясь. Шаг... Пауза... Скрип ступени... Шаг... Александр вскочил на ноги. Оглушительный грохот собственного сердца бил по ушам. Он метнулся к окну-бойнице. Узкая щель в стене, забранная грязным стеклом толщиной в палец. Он ударил по стеклу локтем. Боль обожгла руку, но стекло лишь пошло трещинами. Второй удар. Третий. Наконец, после пятого отчаянного удара, стекло со звоном осыпалось наружу, впуская в башню струю холодного, влажного воздуха.

Он выглянул наружу. До земли было метров десять-двена-

дцать. Прыжок означал верную смерть или увечья, которые сделают его лёгкой добычей. Но оставаться здесь... ждать, пока дверь откроется... Нет.

За спиной раздался громкий, сухой треск. Древесина за- сова не выдержала давления. Дверь в башню приоткрылась на пару дюймов, уперевшись во что-то. Шаги снаружи за- мерли.

— Ты думаешь, маленькая мышка сможет улететь отсю- да? — прошелестел знакомый голос-шелест прямо у щели в двери. — Крылья нужно заслужить, дитя крови. Александр не стал отвечать. Он лихорадочно ощупывал края оконно- го проёма. Камень был старым, изъеденным ветром и вла- гой. Раствор между камнями кое-где выкрошился, образовав глубокие щели. Это был шанс. Безумный, ничтожный шанс.

Он перекинул ногу через подоконник, повернувшись ли- цом к стене, и ухватился пальцами за выступающие камни. Острые грани резали кожу, но он не чувствовал боли. Адре- налин превратил его тело в сжатый комок нервов и мышц. Он перенес вес тела на руки и начал спуск.

Камни были скользкими от плесени. Нога соскользнула с опоры, и он повис на руках, болтаясь над бездной. Сердце рухнуло в желудок. Из груди вырвался сдавленный хрип. Со- брав всю волю, он нащупал опору носком ботинка и утвер- дился на ней. Спуск продолжался.

Каждое движение отдавалось гулкой болью в разбитых ко- стяшках пальцев и затылке. Вниз он не смотрел. Только на

стену перед глазами, ища следующую зацепку. До земли оставалось метра четыре, когда силы начали покидать его. Руки онемели, мышцы плеч горели огнём. Пальцы правой руки соскользнули с мокрого камня.

Он сорвался.

Время замедлилось. Полет длился доли секунды, но Александру показалось, что прошла вечность. Он успел сгруппироваться, готовясь к сокрушительному удару о землю... Но вместо твердой почвы его падение прервало что-то мягкое, упругое и холодное. Он упал в огромный куст можжевельника, росший у подножия башни. Ветви спружинили под его весом, хлестнув по лицу жесткими иглами, и отбросили его на землю.

Несколько секунд он лежал ничком, не в силах поверить, что жив. Болело всё: плечи, колени, ребра, но кости, кажется, были целы. Он приподнял голову и посмотрел вверх. Окно башни зияло чёрной раной на сером фоне неба.

Из этого окна на него смотрела бледная фигура. Даже с такого расстояния он видел её нечеловеческую улыбку. Она не пыталась преследовать его. Она просто наблюдала, как хищник наблюдает за убегающей жертвой, зная, что ей некуда деться.

Александр с трудом встал на ноги. Каждый шаг отзывался острой болью в лодыжке — он подвернул её при падении. Хромая, он побежал прочь от дома, к воротам парка, туда, где начиналась лесная дорога. Он бежал вслепую, про-

дираясь сквозь колючий кустарник, не обращая внимания на ветви, рвущие одежду и оставляющие кровавые царапины на лице и руках.

Выбравшись наконец на дорогу, он обернулся. Усадьба возвышалась на холме — мрачная, монолитная, чуждая этому миру. Никаких следов пожара в вестибюле не было видно. Всё выглядело так, словно ничего и не произошло. Словно он действительно сходил с ума.

Но в кармане брюк лежал холодный латунный ключ. А в памяти навсегда отпечатались строчки из дневника Аркадия и взгляд черных провалов вместо глаз. Он добрался до деревни уже затемно. Это было скопление покосившихся деревянных изб, утопающих в грязи. Ни в одном окне не горел свет. Казалось, деревня вымерла. В последнем доме, стоящем на самом краю леса, он постучал в окно. Долгое время никто не отвечал. Затем занавеска дрогнула, и в мутном свете керосиновой лампы показалось испуганное лицо древней старухи.

Увидев Александра — оборванного, окровавленного, с диким взглядом — она поспешно перекрестилась. — Господи, спаси и сохрани... — прошептала она беззубым ртом.

— Пожалуйста! — прохрипел Александр, прижимая ладони к стеклу. — Мне нужна помощь! Позовите кого-нибудь!

Старуха покачала головой, не открывая створок окна. — Уходи, барин. Тебе здесь не помогут. Никто тебе не поможет. — Умоляю! Моя машина сломалась на дороге! Мне ну-

жен врач! — Машина твоя цела, стоит у развилки, — спокойно ответила старуха. — А доктора ты зря зовёшь. Доктор тут не поможет. Тут другое лечить надо. Ты ведь в усадьбу ходил? Вернулся, значит. Редко кто возвращается оттуда таким... живым.

— О чем вы говорите? Вы знаете, что там происходит? Про Аркадия Воронцова? Про жертвоприношения?

Лицо старухи стало суровым и строгим. — Знаю. Все знают. Места там гиблые. Дед мой сказывал, что дед твой, Аркадий, не просто дом строил, а клетку золотую делал. Чтобы зло то, что в земле спит, навеки запечатать. Да только клетка та требует корма постоянного. Крови свежей. А как корм кончается, зло просыпается и ищет новую пищу. Вот тебя и призвало. Родовая кровь тянет. Ты либо назад пойдешь и примешь судьбу свою, либо бежать будешь, да только от себя не убежишь. Оно будет сниться тебе. Будет звать. Пока не сведет с ума или обратно не вернешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.